

Глава 49

Суд

Лицо Линь Ю мгновенно омрачилось.

В оригинальном романе автор не вдавался в подробности, сосредоточив всё внимание на страданиях главного героя. О том, как именно наступил финал, как и почему погиб Ланн, в тексте не упоминалось ни слова. Принц пребывал в полном неведении.

Ланн мгновенно почувствовал перемену в его настроении.

Генерал выпрямился, присев на кровати; одеяло соскользнуло с его плеч. Он протянул руку, касаясь лба Линь Ю:

— Ваше Высочество?

Юноша вздрогнул, приходя в себя:

— ...Всё в порядке.

Они только что закончили заниматься любовью, и на их шеях всё ещё алели рассыпанные пятнышками отметины от поцелуев.

Линь Ю, пребывая в глубоком смятении, крепко сжал запястье генерала и опустил взгляд.

— Почему именно двадцать первое число? — глухо спросил он.

— М-м? — Ланн недоуменно склонил голову.

— Почему ты решил почтить память павших именно двадцать первого числа через два месяца?

Почему эта дата в точности совпала с днём смерти генерала в романе?

Принц был вне себя от тревоги, и в его голосе прорезались резкие нотки. Ланн на мгновение удивился, но тут же мягко улыбнулся:

— Всё просто: у Девона закончился отпуск. Свободные дни у него появятся только через два месяца. Формально я сейчас калека и не могу пилотировать флаер, так что мне нужно, чтобы Девон меня сопровождал.

— ...

Объяснение звучало логично и разумно, но Линь Ю всё равно не мог избавиться от подозрений. Как у профессионального стримера по шутерам, его шестое чувство всегда работало безотказно, однако сейчас у него не было ни единого повода для возражений.

Он пристально посмотрел на Ланна:

— А если я не соглашусь?

Голос Третьего принца звучал ровно, почти безжизненно:

— Если я не дам согласия, ты, как мой подопечный, не имеешь права покидать поместье, а уж тем более отправляться с Девонем на пустынную планету.

Генерал замер.

С тех пор как он переступил порог этого дома, Линь Ю впервые заговорил с ним в таком тоне.

Принц сидел, выпрямив спину; его плечи были напряжены до предела. И хотя именно он обладал всей полнотой власти, сейчас он выглядел куда более взволнованным, чем собеседник. Линь Ю отчаянно пытался казаться спокойным, но его мелко подрагивающие ресницы выдавали страх с головой.

Ланн смотрел на него своими лазурными глазами, в которых читалась целая гамма невысказанных чувств. Он перехватил руку принца, прижался к нему всем телом и положил подбородок ему на плечо.

— Если вы и впрямь не согласны, тогда...

Линь Ю напрягся ещё сильнее.

Он понимал: у Ланна есть свой план, есть дела, которые он обязан завершить. И он знал, что если тот решит уйти, никакие стены его не удержат. В оригинальной истории генерал был доведён до грани безумия из-за феромонной зависимости, но даже тогда Третий принц не сумел сломить его волю.

Если он сейчас ответит твердым отказом, Ланн, скорее всего, просто исчезнет, не прощаясь. Их пути разойдутся навсегда, и они станут друг другу чужими — в точности как в романе.

И пока юноша вел эту безмолвную внутреннюю борьбу, генерал тихо вздохнул и коснулся

губами его мочки уха. Под мягким одеялом голос решительного и сурового воина вдруг стал вкрадчивым и нежным:

— ...Тогда мне остаётся только умолять вас.

— Пожалуйста, Ваше Высочество, — он начал лениво и ласково покрывать шею Линь Ю поцелуями. — У меня есть причина, по которой я должен там быть.

В это мгновение принцу на миг почудился золотистый ретривер — один из тех, которых заводили его друзья. Стоило такому псу провиниться, как он тут же принимался ластиться и выпрашивать прощение, пока хозяин не сдавался. Линь Ю очень хотел оттолкнуть Ланна, но тот перехватил его запястья, вовлекая в новый, ещё более жаркий водоворот ласк.

— Ладно, — обречённо выдохнул он.

Юноша постарался скрыть свою тревогу за напускной деловитостью:

— Если тебе что-то понадобится, я помогу. Только скажи. Мой отец командует Первым и Седьмым легионами, так что если возникнет необходимость...

— Хорошо, — Ланн придвинулся ближе, целуя его. — Не волнуйтесь, мой маленький принц.

Затем он добавил почти неслышно, одним дыханием:

— Я принесу вам окончательную победу.

Линь Ю не расслышал:

— Что?

Ланн не ответил, лишь снова увлёк его на подушки, укрывая одеялом:

— Я говорю: завтра мне придётся уйти. Позволь мне сегодня обнимать тебя подольше.

Принц не нашёл слов. Он лишь крепко обнял генерала в ответ.

***

На следующий день, ещё до прибытия конвоя трибунала, Ланн собственноручно сделал себе инъекцию имитирующего препарата.

Когда льдисто-голубая жидкость впрыснулась в кровь, его мышцы на мгновение свело судорогой, но вскоре он расслабился. Линь Ю стоял рядом, покусывая губу; он так и не решился его остановить.

Ланн объяснил это так:

— Перед судом я буду содержаться в тюрьме. Я должен выглядеть так, будто всё ещё сижу на тех препаратах. Если я не буду страдать, меня быстро раскусят.

В этот раз побочные эффекты симулятора стали его главным оружием. Ланна начало бить в лихорадке, сознание затуманилось. Он чувствовал такую слабость, что едва мог стоять без посторонней помощи. Его феромоны начали бесконтрольно распространяться, создавая ощущение полного хаоса — для любого стороннего наблюдателя это выглядело как классическая стадия зависимости.

Линь Ю коснулся его предплечья и только сейчас заметил множество крошечных следов от уколов. Раны от инъекций феромонов заживали куда дольше обычных, а из-за того, что организм отторгал чужеродные вещества, кожа вокруг проколов воспалялась.

Заметив его взгляд, Ланн слабо улыбнулся:

— Не смотрите на меня так, мой маленький принц. В конце концов, я был генералом. Я не из тех, кто раскиснет от одного укола.

Юноша недовольно нахмурился:

— При чём здесь твоё звание? Любому человеку в такой ситуации было бы плохо.

Одно дело — уметь терпеть боль, и совсем другое — чувствовать её.

Он запечатлел на губах Ланна долгий поцелуй, наполняя его своими феромонами.

Когда судебные приставы прибыли в поместье Третьего принца, оба уже успели войти в свои роли. Ланн выглядел жалко: он сидел на полу, положив голову на колени Линь Ю — воплощение униженного, но вынужденного подчиниться раба. Принц же восседал в центре залы, всем своим видом демонстрируя надменность и высокомерие.

Распорядитель поклонился Его Высочеству. После того как все необходимые документы были подписаны, а формальности соблюдены, приставы почтительно склонились:

— В таком случае, Ваше Высочество, мы забираем генерала.

Ланна подняли на ноги. Всё это время он сохранял полное спокойствие, никак не реагируя на происходящее, словно безвольная кукла, окончательно потерявшая волю к жизни.

Однако когда один из приставов попытался застегнуть на его запястьях тяжелые цепи, Линь Ю внезапно подал голос. Он медленно постукивал пальцами по поверхности стола и зловеще усмехнулся:

— Господа... Хотя я временно передаю его вам, я не желаю видеть на своей вещи ни единого следа, оставленного не моей рукой. Вы должны вернуть его мне в целостности и сохранности. Вам всё ясно?

Он намеренно выделил слова «моя вещь» и «ни единого следа».

Приставы засыпали его заверениями в преданности, заискивающе улыбаясь. Со времён недавнего совершеннолетия вся столица знала: у Третьего принца скверный нрав и пугающее чувство собственности. Он терпеть не мог, когда кто-то прикасался к его вещам — даже Уайт Лиам, пострадавший от Ланна и формально являющийся жертвой, получил от юноши пинка. Уж им-то, простым сошкам, точно не хотелось испытывать судьбу.

Ланн насмешливо взглянул на него. Генерал, казалось, ничуть не тревожился — будучи зажатым между двумя приставами, он умудрился подмигнуть принцу и одними губами беззвучно повторил: «Оу, твоя вещь?»

Линь Ю в ответ лишь сердито сверкнул глазами.

Приставы не решились дольше задерживаться в поместье и поспешно увели задержанного в сторону трибунала. Почти в ту же секунду Линь Ю, скрывшись от глаз слуг, тоже покинул дом. Он сел в обычный флаер, используемый прислугой — на нём не было ни императорского герба, ни знаков отличия, — и на полной скорости направился к резиденции адмирала Хойера.

Ему нужно было во что бы то ни стало навести порядок в тюрьме трибунала. Если события пойдут по книжному сценарию, к тому моменту, как Ланн выйдет на свободу, Линь Ю просто сойдёт с ума от ярости.

Несмотря на статус принца, у него практически не было собственных связей в политических кругах, так что сейчас он мог положиться только на адмирала Хойера.

Адмирал, казалось, заранее знал, что Линь Ю примчится к нему. Он неспешно потягивал чай в гостиной и лениво произнёс:

— Хочешь, чтобы я замолвил словечко за Ланна в тюрьме?

Принц так и вился вокруг него: то воды подольёт, то чаю добавит, само воплощение

послушания. Услышав вопрос, он активно закивал:

— Угу!

Хойер за сотни лет не видел своего отпрыска таким покладистым. В его душе шевельнулось странное чувство — какая-то смутная обида, словно его драгоценный овощ с грядки так легко соблазнили чужим овощем. Он вскинул бровь:

— Неужели он и впрямь так тебе дорог?

— ...

Линь Ю принялся старательно массировать плечи адмирала и прошептал так тихо, что едва можно было разобрать:

— Мне нужен только он.

Услышав это, Хойер лишь вздохнул. В его сердце бушевал вихрь противоречивых чувств. Его брак с Императором был чистой воды политической сделкой. Хотя у них родился сын, виделись они редко, а о любви и речи не шло. В былые годы, когда феромоны Хойера были нестабильны, он сам натерпелся немало горя. Он никак не ожидал, что его ребёнок окажется настолько непохожим на них.

Хотя Ланн не служил под его началом, адмирал много слышал об этом талантливом юноше. Путь того к генеральским погонам был тернист и полон лишений. Глядя на него, Хойер невольно чувствовал профессиональную солидарность, и раз уж Линь Ю попросил, он был не прочь помочь.

Хойер отправился в трибунал. Первым делом он заглянул в комнату ожидания к Ланну, а затем встретился с начальником тюрьмы.

В отличие от сына, адмирал был искушённым политиком и мгновенно подобрал аргументы, которые позволили бы защитить Ланна, не вызывая подозрений у Первого принца.

— Виновен Ланн или нет — вопрос второй. Но он вошёл в семью Третьего принца. Когда он предстанет перед судом, он должен выглядеть достойно. Если он будет в плохом состоянии, пойдут слухи о жестоком обращении, а это бросит тень и на принца, и на мою репутацию.

На лбу начальника тюрьмы выступил холодный пот. Он действительно был человеком Линь Юй, и тот велел ему «не давать Ланну расслабляться». Но адмирал Хойер был слишком весомой фигурой, и его доводы звучали более чем убедительно. Принц лишь упомянул о деле, а адмирал явился лично. Начальник быстро взвесил все «за» и «против» и принял решение.

Хойер постучал пальцами по столу и вскользь заметил:

— Я только что видел Ланна. Выглядит он паршиво, будто одной ногой в могиле. На суде будет много прессы, так что за эти дни приведите его в порядок. Пусть на человека станет похож.

Начальник тюрьмы про себя подумал, что «паршивый вид» — дело рук Третьего принца, но вслух не проронил ни слова, лишь почтительно кивнул.

В итоге Ланн, томившийся в камере в ожидании худшего, так и не дождался обещанных мучений.

Приставы вели себя предельно корректно. Никаких допросов с пристрастием, никаких пыток; на него даже лишний раз старались не смотреть. Еду приносили вовремя. Генерал поворошил ложкой в тарелке — мясо, овощи, порция вполне приличная. В тюрьме трибунала ему даже ежедневно предоставляли горячую воду для купания, а камеру прибирали каждое утро. Ланн окинул взглядом своё пристанище: это была одиночка высшего разряда — просторная, теплая, а на полке в нише даже лежали свежие газеты и пара книг, чтобы не было скучно.

Если не считать жара от препарата, из-за которого он чувствовал себя неважно, это больше напоминало отдых в санатории, чем заключение.

Когда десять дней истекли и пришло время открытого заседания, Ланн пребывал в некоторой растерянности. Всё шло совсем не так, как он себе представлял. Собственно, с того самого момента, как он проснулся в постели Третьего принца, реальность раз за разом опровергала его ожидания.

Он спокойно стоял на трибуне подсудимых. Из-за лихорадки было трудно сосредоточиться, но боль была вполне терпимой. Действие препарата скоро закончится, оставив лишь незначительные побочные эффекты. Если бы не Линь Ю, он ни за что не добрался бы до этого дня с такой легкостью.

При этой мысли на губах генерала промелькнула едва заметная улыбка.

Он перевел взгляд через ряды присяжных и посмотрел на Линь Ю, сидевшего на возвышении. Принц устроился между адмиралом Хойером и Первым принцем, глядя на подсудимого сверху вниз с каменным выражением лица. Он прекрасно справлялся со своей ролью холодного, высокомерного и жестокого аристократа. Его взгляд был лишен тепла, словно он смотрел на неодушевленный предмет.

Но Ланн заметил серебристый блеск на его пальце.

Это было то самое кольцо, которым они обменялись. Линь Ю сохранял ледяное спокойствие, но пальцы выдавали его — он беспокойно вертел кольцо, и его гладкая поверхность отражала

блики света, напоминавшие солнечные искры на озерной глади.

В этот миг Ланн, закованный в тяжелые кандалы и одетый в тонкую арестантскую робу, стоял в самом центре зала суда под прицелом сотен глаз. Его рассматривали с презрением и любопытством, смакуя падение вчерашнего военного гения и гордого наследника семьи Колетт. Люди шептались о его несмываемом позоре и мрачном будущем, и среди них было немало его бывших врагов и завистливых подчиненных.

— Посмотрите-ка, вот он, генерал-майор Третьего легиона. Подумать только, к чему он пришёл.

В иной ситуации подсудимый должен был бы чувствовать горечь и унижение, но стоило ему взглянуть на юношу, как вся эта злоба отступила, словно отлив.

Линь Ю вертел кольцо слишком часто. Он был напряжен — Ланн уже успел изучить эти повадки. Чем сильнее тот нервничал, тем холоднее становилось его лицо, но мелкие движения всегда выдавали его.

Сейчас на скамье подсудимых сидел Ланн, но принц, казалось, переживал куда сильнее. Блеск кольца на его пальце не утихал ни на мгновение.

Ланн невольно вздохнул.

«Его маленькое высочество, похоже, до смерти напуган»

Председатель суда трижды ударил молотком, призывая к тишине, после чего начал зачитывать список обвинений. Одно за другим звучали сфабрикованные преступления, которых генерал никогда не совершал, но он лишь молча кивал, подтверждая каждое из них. Линь Юй подготовил безупречную доказательную базу, и сейчас любая попытка оправдаться была бы бессмысленной.

Когда последний пункт был зачитан и все полагающиеся кары перечислены, председатель откашлялся и перешёл к указу о помиловании.

— Ланн Колетт, бывший генерал-майор Третьего легиона. Согласно данному указу, вы добровольно отказываетесь от статуса свободного гражданина, лишаетесь чинов и званий, всех политических прав и передаете все активы семьи Колетт Третьему принцу Линь Ю. Взамен вам даруется жизнь и смягчение приговора. Вы согласны с данными условиями?

Подсудимый поднял глаза на судей:

— Я согласен.

Со стороны казалось, что состояние генерала, принявшего препарат, критическое. На самом деле его всё ещё была лихорадка, и это «согласен» прозвучало едва слышно, хрипло и на удивление мягко.

66, примостившаяся на плече Линь Ю, поежилась, хотя у неё не было тела.

«Хост, знаешь что?» — шепнула она. — «Мой предыдущий подопечный тоже женился на цели своего задания. Они устроили свадьбу на пляже под пальмами. Распорядитель взял их за руки и спросил: „Готовы ли вы быть вместе в болезни и здравии, в бедности и богатстве, пока смерть не разлучит вас?“ Так вот, тон того парня тогда был в точности таким же, как сейчас у твоего генерала Ланна»

«...»

Председатель кивнул и повернулся к Линь Ю:

— Ваше Высочество, готовы ли вы принять этого преступника под своё покровительство и дать ему шанс на искупление в стенах вашего поместья?

Принц надменно кивнул:

— Да, я согласен.

Они подписали указ о помиловании; когда на бумаге проступили оттиски императорской печати, процесс официально завершился.

Линь Ю наконец-то смог облегченно выдохнуть. Теперь он мог совершенно законно забрать Ланна домой.

Они один за другим поднялись на борт флаера. Генерал всё ещё был очень слаб. Он мертвой хваткой вцепился в поручни, и те несколько ступенек трапа показались ему непреодолимой преградой, которую он преодолел лишь чудом. Принц шел впереди, не делая ни малейшей попытки помочь.

Линь Юй, наблюдавший за этой сценой, остался доволен увиденным.

Однако стоило люку флаера закрыться, как они тут же, не в силах больше сдерживаться, слились в поцелуе. Линь Ю отчаянно нуждался в том, чтобы передать свои феромоны и подавить побочные эффекты препарата, облегчив состояние партнера. Но Ланн не торопился. Он медленно и тягуче отвечал на ласку, очерчивая языком контур губ принца, а затем увлек его за собой на просторную кровать в салоне флаера.

— Приступим? — прошептал Ланн.

Линь Ю опешил:

— Но у тебя же всё ещё жар.

Кожа под его ладонями была обжигающей. Каким бы сильным ни был генерал, он не был сделан из стали; высокая температура туманила рассудок и заставляла суставы ныть. То, что он едва держался на ногах в суде, не было простой игрой.

В глазах Ланна промелькнул озорной огонек:

— Я слышал, в таком состоянии чувства становятся острее.

— ?

Мозг Линь Ю на несколько секунд просто отключился, прежде чем он осознал истинный смысл этой фразы. Собеседник не шутил — он говорил совершенно серьезно. Побочные эффекты от инъекции ещё не прошли, и любая близость сейчас могла только ухудшить ситуацию. Но генералу, похоже, было абсолютно плевать на последствия. Он смотрел на Линь Ю так, словно его собственное тело было лишь временной оболочкой, ненужным грузом, от которого он готов был избавиться ради одного мгновения наслаждения.

Принц в сердцах скрипнул зубами. Он резко прикусил Ланна за плечо. Тот, не ожидавший такой реакции, негромко охнул:

— Тш-ш...

— Теперь-то ты почувствовал боль?

Линь Ю рывком натянул на него одеяло, закутав с головой так, что остались видны только лазурные глаза, глядящие с явным недоумением.

— Пока ты окончательно не поправишься, даже не думай об этом! — отрезал принц. — А теперь — спать.

<http://bllate.org/book/15869/1501624>